

**В СЕРИИ
«ПОЛЫНЬ – СУХИЕ СЛЁЗЫ»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

Разрыв — трава горькая
Сквозь печальные туманы
Волки смотрят в лес
Отворите мне темницу
Горюч камень Алатырь

СЕРИЯ «ГРЕШНЫЕ СЁСТРЫ»:

Цветы запоздалые
Гори, письмо любви
Судьбою рвется нить

Анастасия Туманова

**СКВОЗЬ
ПЕЧАЛЬНЫЕ
ТУМАНЫ**

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т83

Туманова, А.

Т83 Сквозь печальные туманы / А. Туманова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 396 с. — (Полюнь — сухие слёзы).

ISBN 978-5-521-92490-5

Через волчьи овраги, через стылые болота пробирается беглая крестьянка Устинья. Она спешит в Москву, к своему барину Никите Закатову. За пазухой беглянки – бесценная рукопись, которая спасёт две сотни жизней. Но не только долг перед односельчанами ведёт Устинью. Там, в Москве, у барина, её должен ждать Ефим – бесстрашный сорвиголова, единственная Устина любовь. Ради невесты Ефим пошел на смертный грех и сжег за собой все мосты. Лишь надежда на встречу с любимым не дает Устинье упасть духом под дождем и снегом. А тем временем штабс-капитан Закатов, уверенный, что счастье потеряно для него навсегда, делает роковую ошибку.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

© Туманова А., 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020
ISBN 978-5-521-92490-5

Глава 1

В полдень над Севастопольским заливом стояло солнце. Бомбардировок не было с самого утра, и чёрный дым над горизонтом, скрывающий остовы потопленных на рейде кораблей, давно рассеялся. Но над всей линией русских укреплений поднимались белые шарики выстрелов. Второй и третий бастионы были сплошь затянуты дымом. Из-за бесконечного грома ружейной перестрелки уже давно ничего не было слышно. Сквозь дымовую завесу пехотинцы едва различали синие с красным мундиры французов, начавших штурм Малахова кургана. Всюду лежали раненые, на которых никто не обращал внимания. Волна французов захлестнула бастион, кое-где уже были отброшены штыки и шла яростная и отчаянная рукопашная.

— Петров, вставай! Вставай, брат, надо... — Штабс-капитан Закатов пытался приподнять лежащего на земле солдата. Тот был ранен в грудь, из последних сил хрипел:

— Ваше благородие, бежите... Да бежите вы за ради Христа... Француз уж кругом... Опоздаете... Никита Владимирович, да прошу ж я вас...

— Петров, потерпи... Сейчас будут носилки, потерпи!

— Вы мамаше отпишите... Знаете ведь, куда... Земляки ж... Бельский уезд... село... село Триш...

— Петров, держись, я тебе говорю! — сорвавшимся от отчаяния голосом крикнул Закатов. — Не смей помирать! Носилки! Чёрт возьми, носилки сюда!

Но его никто не слышал. Вокруг Закатова уже не было видно ни одного русского мундира.

— С богом, ваше бла... — Петров недоговорил, в углу его рта вздулся коричневый пузырь. Раненый содрогнулся всем телом, откинул голову.

— Петров, терпи!!! Прорываться будем, держись! — Штабс-капитан вздёнул тело солдата, показавшееся вдруг ему невыносимо тяжёлым, схватил его ружьё. Вокруг трещали выстрелы, слышалась французская брань. Тело Петрова кулём осело на землю, голова откинулась, глаза остановились. Вскочив, Закатов истошно закричал, бросился в багровой мгле наугад, и...

...— Никита! Никита, что с тобой? Да что ж ты, брат, снова... Ну, что такое? Воды дать? Давай-давай, просыпайся... Кончилась война, всё... Тьфу, чёрт, напугал как!

Закатов торчком сел в постели. Мокрая от пота рубаша прилипла к спине, в висках стучала кровь. Перед глазами ещё стояла серая дымовая завеса, синие с красным мундиры, лицо мёртвого Петрова...

— Мишка, что... Я кричал? — хрипло спросил он, проводя ладонью по лбу. Голова немедленно отозвалась болью. Неровный круг света приблизился.

— Кричал? Орал как недорезанный! Надеюсь, хоть Федосье в кухне не слышно было!

— Тьфу ты... Прости. Снилось опять дребедень какая-то... — Никита спустил ноги на пол, неловко взял из рук друга кружку, принялся тянуть холодную воду, чувствуя, как дрожат пальцы, и от этого смущаясь ещё более.

Михаил, оседлав стул возле разворочённой постели, напряжённо смотрел на него.

— Ты ступай спать, — ставя кружку на стол, попросил Закатов. — А я, пожалуй, пойду пройдусь. Всё равно теперь не уснуть.

— Ты что, рехнулся?! — всполошился друг. — Ночь на дворе! Нет, как хочешь, я тебя из дому не выпущу!

— Мишка, отстань... — поморщился Закатов, начиная одеваться. Пламя свечи заколебалось, и в его бьющемся свете лицо штабс-капитана, перечёркнутое со лба до края губ рваным шрамом, казалось постаревшим и ещё более некрасивым.

— По-моему, не нужно тебе никуда идти. — Михаил, который всё это время пристально наблюдал за Никитой, нерешительно сказал: — Ну что ты выдумал, право? Не спится? Ну давай посидим, поговорим. Я теперь тоже не усну после твоих воплей. Научишь меня наконец-то играть в штос...

— Тебя учить что мёртвого лечить, — вяло отмахнулся Закатов. — Ты в игре смысла не видишь и расчётов не признаёшь. И играть с тобой всё равно, что с трёхлетним младенцем.

— Ну, хочешь, дам почитать что-нибудь? Свечи есть, жги хоть до утра, не жалко!

— После. — Закатов оделся, встал. Теперь свет падал на него сбоку, и стало видно, как на самом деле ещё молод этот невысокий сероглазый человек с испорченным шрамами лицом. За плечами его были Московский кадетский корпус, служба в пехотном полку, Крымская война и два ранения. Оба были получены на Малаховом кургане, во время наступления французов. Осколками снаряда у Зкатова было раздроблено колено и исполосовано лицо. И хромота,

и шрамы должны были остаться с молодым человеком на всю жизнь.

Когда Никита, натянув шинель, вышел из дома на тёмный двор, Михаил догнал его.

— Никита... Пообещай мне, по крайней мере, что не будешь пить! И куда тебя только носит по ночам? Женщины, да?

Закатов остановился. Внимательно посмотрел в лицо друга.

— Мишка, мне ведь двадцать шесть лет. И я вовсе не обязан давать тебе отчёт. А если моя хмельная рожа оскорбляет твои трепетные чувства, я готов переехать хоть завтра.

— Закатов, ты сукин сын, — было замечено на это.

— Знаю, брат, знаю, — мирно ответил Закатов, спускаясь по крыльцу. — Ложись спать. Обещаю, что вернусь на своих ногах.

— Это уже немало! — язвительно сообщил Михаил в темноту.

Но ответа не было. Коротко скрипнула калитка, и наступила тишина.

Ночной Столешников переулок был совершенно пуст; только на углу Петровки виднелся экипаж извозчика. Когда Закатов прошёл мимо, его окликнули с козел сиплым голосом:

— Вась-сиясь, куда прикажете?

— Спи, брат, мне недалеко.

Из-за заборов тянуло сыростью и запахом прелых яблок. Изредка мостовая освещалась серой полосой света: это выглядывала из рваных облаков луна. Промозглый воздух забирался за ворот. Закатов, поёжившись, крепче запахнул полы старой шинели и прибавил шаг. Путь его лежал в Ветoshный переулок близ Иверской.

В кривом переулке не горел ни один фонарь, было сыро, темно и несло тухлятиной. Казалось, ни зги нельзя увидеть в этой дурно пахнущей темноте, но Никита Закатов уверенно шёл по немощёному переулку, обходя лужи и кучи мусора. Добравшись до едва заметного деревянного крыльца, на которое падал свет из крошечного оконца, он поднялся по ступенькам и потянул за ручку двери.

Дверь, к изумлению Закатова, оказалась заперта. Поразмыслив, он замолотил в неё кулаком. Ему долго не отвечали. Затем послышалось торопливое шарканье шагов, и сонный голос спросил:

— И кого это посреди ночи принесло? У нас заведение порядочное, закрыто давным-давно! Ступайте, милостивый государь, подобиру-по...

— Серафимова икра, — усмехнувшись, перебил его Зака-
тов. — Открывай, Фома.

После минутной тишины дверь с визгом распахнулась, и в проёме появилась освещённая свечой физиономия рябо-
го полового.

— Охти, Никита Владимырьч! Уж сколько не видать было...

— Давно ли у вас порядочное заведение, Фома?

— Вот вам всё смехи, а на нас, извольте видеть, снова огорчение упало... Ермолай Кузьмич вовсе распорядились ночью не пушать! Ежели только своего кого, аль по реко-
мендации надёжной...

— Закрывали вас, что ли? В тридцатый раз?

— И ведь по глупости какой, не поверите! — Половой пропустил гостя внутрь, угодливо освещая путь. — Кабы за игру али за водку разведённую — ещё хоть понимание могло быть, а ведь что вышло? Бестолковщина сущая! Играли да-
веча у нас какой-то чин из провинции. Опосля взяли Се-
линку и в номер с нею поднялись. И ведь куда как довольны

остались, Селинка сказывала, что обещали даже её с собой в имение увезть до конца сезона... А в гостиницу к себе возвратились — хватъ, портмонета-то и нет!

— Быть не может! — Закатов, спускающийся вслед за половым по скрипучим ступенькам, остановился на полушаге. — Я в жизни не поверю, чтобы Селинка...

— А то ж! Знамо дело, не поверите! И наши все не поверили! Селинка отродясь такой пакости не творила, потому — барышня с пониманием, служит давно и местом дорожит! Как стало известно, она Ермолаю Кузьмичу сей же час крест поцеловала, что и в глаза того портмонета не видала! А полиции-то что! Нешто она порядочную барышню слушать станет? Забрали в каталажку прямо с кровати и всё заведение закрыли на две недели! Убытку — господи-и! Хоть в петлю полезай! А тот господин, чтоб ему пусто было, ещё в полиции бумагу написал, что в том портмонете пятьдесят тыщ казённых денег было! Ужаси, как Селинку нашу трясали! И каторгой-то стращали, и кнутобойство сулили до смерти! Хорошо ещё, что её не больно напугаешь: укрепилась и гнёт своё! Ничего, мол, не знаю, ничего, кроме положенного, не брала и даже не видала!

— Так Селинка в тюрьме?

— Есть на свете правда — выпустили третьего дня! Уж не знаю каким путём, только выяснилось, что господин тот казённую деньгу в вист в Петербурге продул, а на Селинку списать вздумал! У нас поперву-то все нумера полиция разворошила, деньги те искала... Вот мы теперь и опасаемся. Барышни вовсе не принимают, пару-тройку только для настойчивых посетителей держим. И то — сколько денег ушло, чтоб дозволили заведение сызнава открыть, — ужаси!

— Но игра идёт?

— А как же! Это уж самое святое! Осторожничаем, разумеется, так что...